

Лиса Полярная

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА? *Одной левой!*

Лиса Полярная

Как приручить дракона? Одной левой!

<https://litres.ru/73975151>

SelfPub; 2026

Аннотация

Черновик будет бесплатным в процессе написания, и 10 дней после завершения.

Элино́р — потомственный артефактор. Родители, уезжая, строго-настрого запретили трогать семейные реликвии. Разумеется, она не послушалась.

Старый браслет, примеренный из чистого любопытства, намертво защёлкнулся на её запястье. И с тех пор левая рука Элино́р живёт своей жизнью. Она хватает то, что не просили, показывает то, что не следовало, и, кажется, руководствуется собственными — весьма своевольными — соображениями.

На королевском балу несносная рука отвешивает пощёчину наследному принцу-дракону. Элино́р ждёт ареста и казни.

Вопрос только в том: чья это игра? И почему принц так спокойно смотрит на то, что должно стоять ей головы?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Артефакторы — народ безответственный	10
Глава 2. Браслет с характером	27
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лиса Полярная

Как приручить дракона? Одной левой!

Пролог

Он умер от кофеина и хронического недосыпа, хотя любил повторять, что его убьёт дедлайн. Ирония судьбы оказалась не лишена вкуса — она предпочла коктейль из трёх эспрессо, энергетика и полусонного состояния «надо бы поспать, но коммит не пушанул».

Сначала просто заколотилось сердце. Быстро, сбивчиво, будто пыталось сбежать из грудной клетки через горло. Потом добавилась духота, звон в ушах и липкий холодный пот на спине — классический джентельменский набор программиста, перешедшего на четвёртые сутки без сна. Денис попытался сделать глубокий вдох — не получилось. Грудную клетку сдавило невидимым обручем. «Надо бы вызвать скорую» — эта мысль промелькнула где-то на задворках сознания, но руки уже не слушались, а экран монитора расплылся в яркое белое пятно.

Последнее, что он помнил из своей прошлой жизни: строчка кода, которая никак не компилилась, и беспорядок

на столе, который стал его надгробным памятником. Три пустых стаканчика из-под кофе, два смятых пакета от чипсов, банка энергетика с оторванной крышкой, ещё одна — полная, нетронутая, салфетки с формулами, которые он уже не помнил. И курсор, предательски моргающий на пятнадцатой строке.

А потом — темнота.

И, внезапно — свет.

Мерцающий, живой, свечной. И запах ладана, смешанный с чем-то горьким и металлическим — как в больнице, только больницы пахнут не так. Там пахнет хлоркой и надеждой, а здесь здесь пахло воском и травами. Или просто модными благовониями, кто ж разберёт.

Денис открыл глаза.

Потолок был чужой. Высокий, сводчатый, с тёмными деревянными балками, на которых болтались какие-то высушенные травы и, тускло мерцающие, странного вида светильники, которые мерно покачивались на цепях, словно их кто-то забыл прикрутить как следует. Он лежал на узкой кровати, застеленной грубым бельём, пахнущим лавандой и сыростью. Рядом, в резном кресле, дремал человек в чёрной мантии: седой, с лицом, изрытым морщинами, и длинными костлявыми пальцами, сложенными на животе.

Денис попытался сесть — и едва не застонал. Тело было словно не его. Он чувствовал это сразу: чужая длина рук (слишком длинные пальцы, как у пианиста), чужая ширина

плеч (и мышцы твёрдые, будто канаты под кожей), чужой, более низкий и тяжёлый голос, который вырвался, из горла, от удивления.

— Что — начал он и захрипел. В горле пересохло, будто он нажрался песка.

Человек в кресле открыл глаза. Мгновенно, без всякой сонной задумчивости. Посмотрел на Дениса долгим, изучающим взглядом — и вздохнул с облегчением, смешанным с тревогой.

— Сработало, — тихо сказал он. — Слава богам. Хоть и не совсем так.

— Где я? — голос всё ещё не слушался, слова выходили с хрипом. — Что со мной? Я я помню, у меня сердце

— У вас остановилось сердце, — спокойно, даже буднично сообщил человек в мантии. Он говорил так, будто оглашал прогноз погоды на завтра: «Ночью заморозки, днём — ваша клиническая смерть». — Вы умерли. Прямо здесь, на этой кровати. Я пытался вернуть вашу душу, но — он запнулся, подбирая слова, — но что-то пошло не так.

Денис уставился на свои руки. Чужие. Длинные, бледные, с тонкими пальцами. На одном пальце — массивное золотое кольцо. Дракон, пожирающий звезду. Денис не носил таких колец. Он вообще не носил украшений, кроме дешёвых часов с AliExpress.

— Я не понимаю, — медленно сказал Денис. — Чьё это тело?

Человек в чёрном опустил взгляд. Помолчал. Потом ответил с неохотой врача, который вынужден сообщить диагноз, но знает, что пациент его не поймёт:

— Ваше, — сказал он. — Теперь ваше. Я притянул вашу душу вместо той, что ушла. Она должна была вернуться — это была тонкая, почти ювелирная работа, поверьте, — но не вернулась. А вы пришли. Я не знаю, почему так вышло. Возможно, вы были ближе.

Денис почувствовал, как в груди — в чужой, не своей груди — заколотилось сердце. Сильное, ровное. Спортивное. Определённо не его, вечно загнанное кофеином и авралами сердце. Оно билось сейчас с обидной лёгкостью, будто насмехалось: «Эй, новый хозяин, расслабься. Я могу ещё сто лет стучать».

— Кто вы? — спросил Денис.

— Я тот, кто умеет говорить с мёртвыми, — ответил человек. — И иногда возвращать их к жизни. С переменным успехом, как видите. Можете звать меня мастер Рейнар. Можете даже «эй, вы». Я не гордый.

Он помолчал, потом добавил тише, почти шёпотом:

— Вам нельзя себя выдать. Кто-то ждал Вашей смерти. Вам нужно ясно осознать, кто Вы теперь, вжиться в новую роль, и не ошибиться. Потому что цена ошибки — жизнь.

За дверью послышались шаги. Много шагов. Кто-то взволнованно спросил (высокий женский голос, срывающийся от надежды):

— Он очнулся? Лекари сказали, пульс восстановился!

Человек в мантии быстро поднялся, отряхнул мантию и наклонился к Денису. Шепнул так, чтобы слышал только он:

— Вы не помните своё имя. Не помните ничего. Хорошо? Так даже лучше. И главное, — он почти коснулся губами уха Дениса, — не говорите никому, что Вы не тот, за кого Вас принимают. Иначе Вас убьют. Может быть не сразу. Но очень качественно.

Денис хотел спросить: «За кого меня принимают?», но дверь распахнулась, и в комнату хлынул яркий свет, голоса, запахи духов и дорогой ткани.

В проёме стояла женщина. Ей нельзя было дать больше сорока пяти — ухоженное лицо, тёмные волосы, уложенные в сложную причёску, дорогое платье из тяжёлой ткани, расшитое серебром. Красивая. Уставшая. С припухшими от слёз глазами. И смотрела на него так, будто видела воскресшее чудо.

— Сын мой, — выдохнула она. — Ты жив.

Денис открыл рот.

Закрыл.

Проморгался.

Пожалел, что не выпил тот второй энергетик — может, тогда его душу хотя бы запустило обратно в его собственное, такое родное, такое понятное тело без драконьих колец и знатной родни за спиной.

И сказал первое, что пришло в голову:

— Воды, пожалуйста.

Это было единственное, что он сейчас точно мог попросить, не спалив себя.

Глава 1. Артефакторы — народ безответственный

Провожать родителей — ритуал, который Элино́р Рэ́йвенвуд ненавидела с детства. Не потому, что скучала по ним — хотя и поэтому тоже. А потому, что каждый раз это занимало не меньше часа и неизбежно заканчивалось катастрофой.

— Олдри́к, ты положил амулеты от проклятий?

— Положил, Сильвана. И карту, и свечи, и запасные сапоги.

— А мазь от ожогов?

— Мазь в моей сумке. А вот порталных амулетов ты положила ровно два, а нужно три!

Спор перерос в перепалку, перепалка — в обыск экипажа. Элино́р стояла на крыльце, скрестив руки на груди, и с тоской смотрела на идеально синее небо. Надо же — хотя бы погода не подвела. В прошлый раз, когда родители уезжали на поиски артефактов в южные болота, шёл проливной дождь, и отец умудрился поджечь себе шарф, пытаясь зажечь магическую лампу. Шарф пришлось тушить прямо на нём, и следующие две недели Олдри́к Рэ́йвенвуд щеголял опалённой бородой и гордой улыбкой: «Зато мы нашли клад!» Кладом оказалась дюжина старинных монет и скелет реликтового дракона: эти ящеры жили тысячи лет назад и ещё не име-

ли человеческой ипостаси.

Отец вынырнул из недр экипажа с торжествующим лицом и зажатым в зубах компасом. Компас был бережно уложен в дорожный саквояж под ликующие восклицания главы семейства:

— Нашёл! Я же говорил, что мы его взяли!

— Ты его только что нашёл в моей шляпе, — фыркнула мать. — Без меня вы оба пропадёте.

Она вдруг выбралась из экипажа, отряхнула юбку и — неожиданно для Элинор — обняла её. Крепко, по-матерински, обдавая запахом духов «Вересковая долина».

— Милая, — сказала Сильвана негромко, — мы ненадолго. Ты справишься. Ты у нас умница. Обязательно вернёмся до королевского бала, чтобы избавить тебя от необходимости присутствовать там.

Элинор счастливо замерла в объятиях. Мать не часто была такой открытой — обычно всё её внимание доставалось артефактам и раскопкам. Но Элинор не обижалась на родителей, ведь и сама предпочитала работу в мастерской общению с живыми людьми.

— Справлюсь, — ответила Элинор, уткнувшись носом в материнское плечо. — Я ведь уже не маленькая.

— Несомненно, — согласилась Сильвана, отстраняясь. — Но сердце за тебя всё равно болит. Ты это не работай допоздна. И ешь нормально, а то Мейбл нам жалуется.

— Мейбл уже извелась, — усмехнулся отец, вылезая из

экипажа. — Я получил ещё одно письмо вчера. «Барышня худеет на глазах, кормите её, пока не исчезла совсем».

Элино́р фыркнула.

— Я просто забываю поесть, когда работаю.

— Вот это и страшно, — отец потрепал её по макушке, и от его широкой ладони по спине разлилось тепло. — Ладно, давай, перечисляй. Что там надо помнить?

Элино́р вздохнула, но теперь этот вздох был не раздражённым, а почти домашним.

— Заказы, клиенты, гильдия. И не заходить к тебе в мастерскую.

— Именно, — отец подмигнул. — А то там драконьи хвосты из стен торчат.

— Никаких драконьих хвостов, — строго сказала мать. — Что ты с ней, как с ребёнком? Там опасные армейские артефакты, отец ещё не отправил их в военное ведомство. Кстати, и в спальню к нам лучше не заходи: там сундук твоей прабабки Аделины. За сорок лет никто так и не смог его вскрыть. Вот ведь старая перечница — загадала загадку потомкам, а от неё всего можно ожидать, может в сундуке пара заколок и чулок, а может древнее проклятье. Не лезь, Элино́р. Прошу тебя. Ради твоей же безопасности.

— Я помню, — сказала Элино́р, и в её голосе не было привычного «бла-бла-бла». Потому что мать просила — не приказывала, а просила. И это было важнее.

— И прояви уважение к гильдии, — добавила Сильвана

уже мягче. — Отец гордится, что сумел объединить артефакторов. Мы надеемся, что ты посетишь традиционное чаепитие, как представитель рода Рэйвенвуд. Просто будь там, кивай и улыбайся.

Отец хлопнул Элинор по плечу — не больно, а скорее по-медвежьи, с любовью.

— Смотри у меня, — сказал он. — Вернёмся — устроим семейный ужин. С пирогами. Мейбл обещала испечь твой любимый, с вишней.

— С вишней? — Элинор оживилась. — Это шантаж.

— Это мотивация, — ухмыльнулся отец. — Чтобы ты нас дождалась и не уморила себя голодом.

Мать помахала на прощание:

— Мы очень тебя любим, Элинор. Помни это и слушайся старушку Мэйбл, она зайдёт тебя проведать.

— Помню, — ответила Элинор, и у неё вдруг защипало в носу.

Экипаж дёрнулся, взметнул облако пыли — и скрылся за поворотом.

Элинор постояла на крыльце, дождалась, пока пыль осядет, и вытерла глаза рукавом.

— Дурацкая пыль, — сказала она в пустоту.

— Каррр! — поддакнул ворон Бенджамин с подоконника.

— Дурррацкая.

Элинор уже сделала шаг к дверям, когда из-за угла дома показался мистер Гримшоу, дворецкий. Седой, поджарый, в

неизменном чёрном сюртуке, он выглядел так, будто завтракал исключительно чопорностью и улыбался только по большим праздникам.

— Барышня, — сказал он сухо. — Вы сегодня работаете допоздна?

— Скорее всего, мистер Гримшоу. А что?

— Кухарка, миссис Баттон, отпросилась на сегодняшний вечер. Ужин будет холодный. Я, если позволите, оставлю его в буфете.

— Конечно, мистер Гримшоу, спасибо.

Гримшоу кивнул, развернулся и зашагал к флигелю. Элинор смотрела ему вслед и думала: как хорошо, что хотя бы он не спрашивает про сундук, не отчитывает её за пренебрежение едой и не считает маленькой несмышлённой девочкой.

— Гррримшоу не нррравится, когда ты ррработашь ночью, — прокаркал Бенджамин, перелетая ей на плечо. — Он перрреживает за заррряд магических светильников. Говорррит, они слишком быстро садятся из-за твоих ночных бдений.

— Гримшоу переживает за бюджет, — поправила Элинор, входя в дом. — И за то, чтобы я не спалила мастерскую к приезду родителей.

— Каррр! Это тоже, — согласился ворон.

Мастерская встретила её привычным хаосом. Три грязные чашки на столе — из-под кофе, чая и непонятно чего, заросшего чем-то зелёным и мохнатым, — гордо возвышались

среди вороха пергаментов. Элино́р давно перестала мыть посуду. Она называла это «стратегическим накоплением артефактов для мойки». Бенджамин называл это «свинарррриком», но у ворона не было права голоса. Не в мастерской Элино́р.

Календарь на стене пестрел пометками. «Графиня Вэллс — заказ к среде» было написано аккуратно, почти каллиграфически. «Гильдия — чаепитие в четверг» — менее аккуратно, с лёгким нажимом, выдававшим глубокую внутреннюю боль. «Аукцион в пятницу» — просто и деловито. И чуть ниже, обведённое в красную рамку, словно предупреждение о конце света: «Королевский бал — через полторы недели». Элино́р подчеркнула эту строчку дважды, но не от нетерпения, а с досадой: надо же было Лиании вбить себе в голову, что ей нужно «выйти в свет».

— Выйти в свет, — проворчала она, обращаясь к пустоте. — Ей легко говорить. Её единственная работа — таскаться по всяким балам и светским раутам и светить лицом, чтобы удачно выйти замуж. А я артефактор. Моё место — здесь.

Но Лиания была права в одном: нормальные заказчики сами не приходят. С ними нужно встречаться на балах, приёмах, аукционах. Иначе так и будешь чинить зеркала выжившим из ума старухам, которые обижаются, когда им говоришь правду.

На стене висел портрет родителей. Олдри́к и Сильвана Рэйвенвуд в полный рост, в парадных мантиях, с гербом рода

— вороном, держащим в лапе руну. Элинор когда-то приписала внизу тонкими чернилами: «Вернуться до зимы, клятвенно обещали (в 5-й раз)». С тех пор они уезжали и возвращались, но подпись осталась — как напоминание, что верить на слово Рэйвенвудам не стоит, если охота за древними артефактами увлечёт родителей, то они могут надолго забыть дорогу домой.

— Хотя, — сказала она себе, — я такая же. Стоит увлечься работой, и забываю обо всём на свете.

Бенджамин перелетел с её плеча на спинку стула, оставив на платье пару перьев. Элинор вздохнула и взялась за заказ графини Вэллс.

Зеркало лежало на столе, завёрнутое в расшитый платок. Когда Элинор его развернула, оно злобно сверкнуло отражением: вместо её лица на неё смотрела какая-то утрированная красавица, с идеальными чертами лица и гладкой, фарфоровой кожей.

— Очень смешно, — сказала Элинор зеркалу. — Мне ещё нет двадцати одного, не обязательно так льстить.

Зеркало показало ей язык. Магический, разумеется — длинный, раздвоенный, фиолетовый.

— Не капризничай, — строго сказала Элинор, доставая инструменты. — Я знаю, что ты можешь быть нормальным. Это твоя хозяйка привыкла к лести, мне можно показывать всё как есть.

Работа продвигалась медленно. Зеркало упрямилось и,

казалось, намеренно показывало Элино́р на десять лет старше при каждом удобном случае. «Хорошо хоть не на сотню», — мрачно подумала она, откручивая заднюю крышку и вникая в запутанные магические контуры.

Ближе к полудню в дверь постучал дворецкий, привёл торговца с партией «древних» амулетов. Элино́р знала его — господин Флиттер, маленький юркий человечек с масляными глазками и вечной улыбкой, которая не сходила с его лица даже когда он врал. А врал он всегда.

— Герцогиня Рэйвенвуд! — пропел он, входя. — Какая честь! Я принёс вам удивительные артефакты, настоящие древности из раскопок в Вентарре!

— Вы не перепутали меня с моей матушкой? — скривилась Элино́р от наглой лести, не отрываясь от зеркала. — Я пока что леди Рэйвенвуд, не герцогиня. Амулеты Из Вентарры, значит?

— Именно! Тысячелетние амулеты, каждый с уникальным проклятием! — он разложил на столе пять безделушек, которые даже на вид были подделками. Один амулет был явно склеен из трёх разных, другой блестел свежей краской, третий и вовсе светился в магическом спектре как новогодняя гирлянда — верный признак недавнего изготовления.

— Господин Флиттер, — сказала Элино́р, откладывая отвёртку. — В прошлый раз вы пытались продать мне «уникальный жезл повелителя стихий», который оказался обычной палкой с наклеенной руной.

— Это была ошибка поставщика!

— Палка была свежесрезанной. На ней даже кора ещё не высохла.

Флиттер замялся, но тут же продолжил улыбаться.

— Но эти амулеты — совсем другое дело! Вот, например, — он поднял тот, что светился как ёлка, — защита от порчи!

— Он светится в магическом спектре как новогодняя ёлка. Это значит, что его сделали не больше месяца назад.

— Амулеты Вентарры очень быстро становятся древними!

Элинор открыла рот, чтобы ответить наглему, но тут вмешался Бенджамин. Ворон сорвался со спинки стула, подлетел к торговцу и громко каркнул прямо ему в ухо:

— Каррр! Врррёшь, каррр!

Флиттер подскочил от неожиданности, уронил амулеты, и один из них разбился об пол, обнажив внутри обычную гайку.

— Гайка? — медленно сказала Элинор, поднимая её. — Господин Флиттер, вы пытаетесь продать мне амулет с гайкой внутри?

— Это это магическая гайка! — выкрутился торговец, хватая остатки товара. — Очень редкая! Я зайду в другой раз!

Он вылетел из мастерской быстрее, чем Бенджамин успел каркнуть ему вслед. Элинор посмотрела на дверь, на гайку в руке, на Бенджамина, который гордо чистил перья, и вздох-

нула.

— Спасибо, Бенджамин.

— Карррр! Я говоррррил не пускать этого пррррохвоста.

— Ты всегда всё правильно говоришь.

Она вернулась к вредному зеркалу графини. Время шло, чашки на столе множились, а с ними — и количество выпитого кофе.

Только когда за окном начало темнеть, магическое зеркало на стене — то, которое служило для связи, а не для красоты — ожило. В тусклом свечении проступило лицо Лиании: рыжие волосы растрёпаны, веснушки ярко выделяются на бледной коже, глаза горят авантюрным огнём.

— Элиноор! Ты уже решила в чём идёшь на бал?

Элиноор, которая как раз в этот момент подносила ко рту кружку с очередным кофе, едва не поперхнулась.

— Здравствуй, Лиания. Я в порядке, спасибо. Заказы выполняю, хорошо себя чувствую. А ты как?

— Бал, Элиноор! — Лиания проигнорировала сарказм с ловкостью, выработанной годами дружбы. — Говорят, принц наконец появится в свете после болезни. Все потенциальные невесты уже точат когти. В общем, готовятся. А ты снова хоронишь себя в мастерской вместо того, чтобы занимать очередь к королевской модистке.

— Я же не невеста. Я артефактор.

— Ты же леди. И дочь архимага-артефактора королевства Азурион. Приглашение у тебя давно лежит. Ты обязана быть.

Это не я придумала, это этикет.

Элино́р поморщилась. Приглашение и правда лежало в ящичке стола — красивая карточка с гербом Лазурионов — синим драконом, пожирающим звезду. Она планировала сделать вид, что потеряла его. Или что его съел Бенджамин. А может быть, отговорилась бы несварением желудка. Хотя такое оправдание, в третий раз подряд, вряд ли убедило бы королевскую семью.

— Да брось, — Лиания понизила голос, переходя на доверительный тон. — Тебе же нужны нормальные заказчики и поставщики. А не эти проходимцы, что к тебе сейчас ходят. Господин Флиттер, например, с его гайками.

— Ты знаешь про гайки?

— Весь город знает про гайки, его уже гонят из всех приличных домов столицы. В общем, — Лиания махнула рукой, — выйдешь в свет, познакомишься с людьми, глядишь, и заказы посыпятся. Не век же тебе чинить старушечьи пенсне и заклеивать магические веера. Ты талантливее. Ты можешь создать собственную линейку артефактов. Тем более ты член гильдии!

Элино́р промолчала. В этом Лиания была права, вот только членом гильдии она стала благодаря своему отцу.

— Ладно, — сдалась она. — Я подумаю.

— Не подумаешь, а поедешь, — отрезала Лиания. — Я за тобой заеду. И, кстати, — она понизила голос до шёпота, и в зеркале отразилась её хитрая физиономия, — тут та-

кое говорят Будто принц так и не поправился до конца. Ходят слухи, что он потерял память. И на драконьей площадке ни разу не появился после болезни, а раньше почти каждый вечер оборачивался драконом. Поговаривают, будто болезнь выжгла что-то внутри него.

— Сплетни, — пожала плечами Элинор, хотя внутри кольнуло любопытство.

— Наверное. Но придворные шепчутся. И Морвенна, эта старая интриганка, фаворитка покойного короля, что-то крутит вокруг своей внучки. Говорят, она хочет во что бы то ни стало пристроить её за принца. Так что на балу будет жарко.

— Мне-то что? Я за заказами, а не за принцем.

— Какая же ты зануда, — хмыкнула Лиания. — Ладно, увидимся. Не смей отказываться!

Зеркало погасло, оставив Элинор наедине с догорающим светильником и Бенджамином, который дремал на шкафу.

Элинор посидела ещё немного, глядя на своё отражение в потухшей магической поверхности. Потом вздохнула и оставила кружку.

Глубокой ночью она закончила с зеркалом. Нашла в нём застарелую магическую «бородавку» — сгусток кривой энергии, который заставлял артефакт капризничать. Аккуратно сняла её специальным пинцетом, подержала над свечой, пока та не распалась на безопасные искры, и удовлетворённо кивнула.

Зеркало, в знак благодарности, показало Элинор её настоящее лицо — молодое, слегка осоловелое от недосыпа, с карими глазами и каштановыми кудрями, выбившимися из пучка.

— Вот так-то лучше, — сказала она.

Она упаковала зеркало для отправки графине Вэллс — аккуратно, в несколько слоёв гофрированной ткани, которую Бенджамин называл «это хрустящее безобразие». Написала сопроводительное письмо, где вежливо, но твёрдо указала, что за работу положено заплатить немедленно, а не «в счёт будущих заказов». Потом разобрала документы для аукциона и даже нашла в них ошибку в подсчёте стартовой цены — отец, будучи гением артефакторики, был полным нулём в бухгалтерии.

— На двадцать процентов ошибся, — пробормотала Элинор, исправляя цифры. — Мать опять будет ругаться.

Бенджамин открыл один глаз.

— Каррр! Напомни ей, что ты спасла аукцион.

— Напомню. И попрошу прибавку к карманным деньгам.

— Каррр! Тебе двадцать лет. Какие карррманские деньги?

— Это была ирония, Бенджамин.

— Каррр, — ворон обиженно закрыл глаз. — Я не обязан ррразличать иррронию. Я птица.

Элинор откинулась на спинку стула, потянулась — спина хрустнула, как старый пергамент — и посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж.

Там, в спальне родителей, стоял маленький сундук. Серебряный замок которого не поддавался лучшим артефакторам Азуриона десятилетиями. Детище Аделины, её прабабки, которая была гениальна, безумна и, по слухам, когда-то едва не вышла замуж за короля.

«Скоро двадцать один, — подумала она. — Пора доказать, что я не маленькая девочка».

— Ладно, — сказала Элинор, вставая. — Пора и мне попробовать потягаться с прабабкой в хитрости.

Бенджамин распахнул оба глаза.

— Каррр! Рродители говорррили не трррогать сундук.

— Они всегда так говорят.

— Каррр! Тогда меня послушай: не откррррвай его.

— Почему?

— Потому что умные птицы не лезут в чужие гнёзда.

— Ты лезешь в моё гнездо каждый день.

— Я исключение. Я крррасивый.

Элинор фыркнула и пошла к лестнице.

В спальне родителей пахло мамиными духами и старыми пергаменатами. Мебель была накрыта белыми простынями. Элинор зажгла светильник, и магический свет выхватил из темноты маленький сундук в углу, на комодe.

Размером он был не больше кота. Деревянный, с потускневшей серебряной пластиной вместо замочной скважины. Руны на пластине тускло мерцали.

Элинор присела на корточки.

— Не бойся, — сказала она себе. — Это просто сундук. Хуже, чем открыть его, может быть только не открыть и потом жалеть всю жизнь.

Она провела пальцем по рунам, которые едва заметно вспыхнули под её пальцами, и кольнули магией. Элинор отдернула руку, но попытки открыть сундук не оставила. Попробовала нажать на пластину — ничего.

— Ладно, — прошептала она. — Может, он вообще не магически заперт?

Она дернула за ручку — чисто машинально, для проверки.

Крышка открылась с тихим, почти ласковым щелчком.

Элинор застыла. Светильник дрогнул в её руке. Сундук, который не могли вскрыть лучшие артефакторы Азуриона на протяжении десятилетий, открылся от простого прикосновения.

Она не понимала, как. Она вообще ничего не понимала.

Внутри, на бархатной подушечке, лежал браслет. Тёмное серебро, матовое, почти чёрное. Три мутных камня. Рядом — кожаный дневник с выцветшим тиснением и ворох старых писем, лент, безделушек.

Элинор сначала взяла дневник. Пролистала первые страницы. Почерк старомодный, витиеватый. Первая запись, которую она успела прочитать:

«Сегодня во дворце снова видела Тедди. Он всё такой же неуклюжий, но в его глазах что-то есть. Король, конечно, хо-

рош, но с Тедди я могу быть собой. Жаль, что он никогда на меня не посмотрит. Говорят, он якшается с той выскочкой Морвенной. Ну ничего, я ещё утру нос этой стерве. А король король — это вопрос статуса, а не чувств».

Тедди. Морвенна. Король. Элинор захлопнула дневник. Времени читать нет — за окном уже светало. Она отложила его и снова посмотрела на браслет.

«Совсем простенький. Просто примерю, — подумала она. — А потом сниму».

Браслет защёлкнулся на левом запястье. И сразу стал тёплым, магически подстраиваясь под размер запястья. Замочек исчез, словно его и не было.

— Ну же, снимись, — прошептала Элинор, дёргая его.

Браслет не снимался. Она заметалась по дому, пробуя всё: масло, мыло, магическую отмычку — бесполезно. Он сидел на запястье как влитой, и камни теперь светились ровным, спокойным зелёным светом.

Уже светало, когда Элинор, обессиленная и злая, рухнула в кровать в своей спальне.

«Завтра схожу к ювелиру, — решила она. — Распилят. Ничего страшного».

Перед сном она поймала себя на мысли, что нужно обязательно зайти к нянюшке Мейбл — показать браслет. Старенькая няня разбиралась в артефактах лучше любого академика. Она вырастила и выучила её отца, а потом и саму Элинор. А может, в дневнике прабабки есть описание брас-

лета и его функций? Открыв дневник на случайной странице Элино́р прочла:

«Тедди вчера сказал, что Морвенна коптит на чёрном огне серебряную иглу. Спрашивается, зачем игла той, кто и так получила всё, что хотела? Чую, что-то здесь нечисто».

Элино́р закрыла дневник и сунула его под подушку. Игла. Ерунда какая-то. Старушечьи сплетни.

В браслете что-то тускло светилось.

— Спокойной ночи, — пробормотала Элино́р, обращаясь к нему, и провалилась в сон.

Глава 2. Браслет с характером

Элино́р проснулась от того, что кто-то гладил её по голове. Непривычно. Мягко. Почти по-матерински.

Она открыла глаза и увидела свою левую руку, которая медленно, с какой-то заботливой настойчивостью, перебирала её спутанные кудри. Пальцы действовали аккуратно, пытались распутать непослушные завитки, но делали это неумело и неловко.

Элино́р застыла.

Левая рука замерла, будто её поймали на месте преступления. А потом медленно поднялась и помахала ей. Мол, «привет, я здесь».

— Это ты? — шепотом спросила Элино́р у браслета.

Браслет, разумеется, не ответил — было бы странно, если бы он вдруг сказал «Да» и завёл непринуждённую беседу о погоде.

Рука опустилась вниз и мирно устроилась на подушке — как ни в чём не бывало.

Элино́р осторожно пошевелила пальцами. Согнула левую руку в локте. Подняла. Опустила. Мышцы слушались идеально. Тогда она подняла правую руку — та тоже работала без сбоев. Всё было в полном порядке.

«Приснилось, — решила она. — Ну конечно, приснилось. С чего бы руке жить своей жизнью?»

Она села на кровати, потрясла головой, прогоняя остатки сна, и отправилась умываться.

На кухне её ждал холодный завтрак — вчерашнее печенье, сыр и утренняя почта. Рядом с тарелкой лежал магический свиток от графини Вэллс.

Элино́р потянулась к печению правой рукой. Левая рука, до этого мирно лежавшая на столе, вдруг метнулась вперёд, схватила свиток и поднесла к магическому светильнику.

— Ты что?! — Элино́р едва успела выхватить письмо из пальцев.

Рука замерла. А в голове раздался странный шёпот — неясный, далёкий, как голос из плохо настроенного магического кристалла:

«Старая кочерга Вэллс решила тебя развести. Читай мелкий шрифт».

Элино́р развернула свиток. Внизу, под основным текстом, действительно обнаружилась приписка тончайшими чернилами: *«Работу выполнить в счёт будущих заказов».*

— Откуда ты — начала Элино́р, но левая рука уже потянулась к сыру.

Она отрезала ломтик, положила на тарелку и пододвинула к Элино́р.

Шёпот в голове стал чётче, обрёл голос — едкий, насмешливый:

«Ешь, давай. Мелкая такая. Тощая, как сушёная путасу. Ни один жених на такие рыбьи кости не позарится».

Элино́р поперхну́лась.

— Что ты сказала?

Рука застыла с видом полной невинности. Голос молчал.

Элино́р посмотре́ла на брасле́т, кото́рый тускло блеснул в свете утре́нного солнца́.

Пока не было понятно, что страшнее: рука-вредитель или рука-нянька. Но сыр всё же был съеден.

В мастерскую она вошла с чувством, что день будет странным. Папки с заказами лежали на своих местах, инструменты блестели в свете магических светильников, Бенджамин сидел на подоконнике — всё как обычно. И всё уже было необычным.

Внимательный ворон отметил её пришибленный вид:

— Карррр! Ты сегодня спустилась ррраньше обычного. И выглядишь так, будто на завтрак выпила котел успокоительной настойки.

— Бенджамин, у меня проблемы, — сказала Элино́р, садясь за стол. — Левая рука ведёт себя необычно.

Ворон наклонил голову, сверкнув чёрным глазом.

— Карррр! Это как?

— Она меня причёсывала, когда я спала. А за завтраком чуть не сожгла письмо графини. И ещё я слышала голос в голове.

— Карррр! — Бенджамин перелетел на спинку её стула. — И давно ты слышишь голоса?

— Не смейся. Я серьёзно.

— Каррр! Я и не смеюсь. Я просто уточняю детали. Ты браслет этот проклятый надела?

Элино́р вздохнула и машинально коснулась браслета пальцами правой руки, словно проверяя, не исчез ли он.

— Надела.

— Каррр! Я говорил, что сундук Аделины — это ловушка для доверчивых потомков. Я что тебя не предупреждал?

— Ты предупреждал.

— Каррр! А ты, как всегда, просто не слушала. Насколько ситуация опасна?

— Пока не знаю, — призналась Элино́р. — Но голос сказал, что письмо графини — обман. И оказался прав: там был мелкий шрифт про бесплатную работу.

Бенджамин задумчиво почесал клювом крыло.

— Каррр! Ты пррррям как знала, что она попытается увильнуть от оплаты, когда вчера писала сопроводительное письмо с просьбой полностью оплатить заказ.

— О скаредности графини Вэллс в свете ходят легенды, — пожалала плечами Элино́р. — Я просто подстраховалась.

— Каррр! Значит, голос в голове приносит пользу?

— Он сказал, что я сушёная путассу, — мрачно добавила Элино́р.

— Каррр! — ворон хрипло рассмеялся. — Что ж, у него хотя бы отличное чувство юмора.

— Бенджамин!

— Каррр! Ладно-ладно. А теперь серьёзно: ты уверена,

что в том сундуке был только браслет? Может, там ещё что-то было?

— Был дневник, — Элинор понизила голос. — Дневник прабабки Аделины.

Ворон замолчал. Помолчал. Потом медленно произнёс:

— Каррр... Аделина Рэйвенвуд. Та самая, которая едва не вышла замуж за короля? Которая славилась своим характером и магией? Которая, по слухам, заточила свою душу в какой-то артефакт после смерти?

— Откуда ты знаешь?

— Каррр! Я не просто красивая птица. Я внимательная красивая птица. Твой отец рассказывал, когда думал, что я не слушаю.

— И что он говорил?

— Каррр! Что она была гениальна и безумна. И что секреты её артефактов до сих пор никто не может разгадать. И что её дух — если она действительно заточила его в какой-то артефакт — обязательно найдёт способ вернуться в наш мир. Видимо, нашёл. И пришёл к тебе.

Элинор почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Ты хочешь сказать, что в моей руке — дух прабабки?

— Каррр! Я хочу сказать, что тебе срочно нужна помощь опытных артефакторов. Или экзорцистов. Или психиатров. Выбирай, с кого начнём.

— Спасибо, Бенджамин. Очень поддерживаешь. Было бы легче, если бы ты не был таким скептиком.

— Каррр! Я не скептик, я — реалист. А теперь давай работать. Если в твоей руке действительно сидит Аделина Рэйвенвуд, она не из тех, кто будет тихо прозябать в сторонке. Приготовься, она готовит какую-то авантюру.

Элино́р уже взялась за новый заказ, когда дверь распахнулась и на пороге возникла графиня Вэллс — пожилая дама в тяжёлых бархатах, с таким количеством драгоценностей, что она звенела при каждом шаге.

— Леди Рэйвенвуд! — сурово произнесла она с порога, даже не поздоровавшись. — Что вы сделали с моим зеркалом?!

Элино́р поднялась из-за стола.

— Доброе утро, графиня. Я его отремонтировала, как вы и просили.

— Отремонтировали?! — графиня выхватила из сумки зеркало и поставила на стол. — Оно показывает меня старухой!

Элино́р наклонилась к зеркалу. Отражение было идеальным: графиня Вэллс, какой она была в реальности — морщинистая, с обвисшими щеками и мешками под глазами.

— Графиня, — сказала Элино́р, стараясь говорить спокойно. — Вы сдали зеркало в ремонт, потому что оно перестало работать в темноте и начало показывать язык. Я удалила магическое искривление, которое вызывало эти проблемы. Теперь зеркало снова работает без освещения, вы снова можете им пользоваться в театральной ложе.

— А то, что оно начало старить меня — это что?!

— Это не совсем так, — терпеливо объяснила Элино́р. — Искривление давало зеркалу два побочных эффекта: своеволие и несанкционированную лесть. Оно показывало вас утрированной красавицей — это было искажение, а не штатная функция. Я убрала болезнь. Вместе с ней ушли и побочки. Теперь зеркало работает так, как и было задумано.

Голос в голове едко добавил:

«Скажи ей прямо: старая кочерга привыкла, что ей все льстят, пусть теперь привыкает когда правду показывают. И срочно бери плату, пока она не лопнула тут от злости».

Элино́р мысленно попросила голос заткнуться.

— То есть оно так и будет меня показывать старой? — голос графини дрогнул.

— Будет, — твёрдо сказала Элино́р. — Если хотите зеркало, которое делает отражение моложе, то вам нужен не ремонт, а другой артефакт. С функцией маскировки недостатков. Такие существуют, но они дороже.

— Ты — наглая девчонка! — графиня схватила зеркало со стола. — Я пожалуюсь в гильдию! Твой отец будет недоволен!

Элино́р уже открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент левая рука, тихо лежавшая на столе, вдруг дёрнулась, медленно поднялась, сложила пальцы в замысловатую фигуру — выставленный вверх средний палец, остальные сжаты

в кулак. Элино́р не поняла, что это значит, но по тому, как графиня побледнела, догадалась — ничего хорошего.

Графиня поперхнулась воздухом.

— Вы вы только что показали мне неприличный жест!

— Я указала вам на дверь, — перебила Элино́р, стараясь говорить максимально спокойно, хотя щёки горели. — Вы отвлекаете меня от работы, графиня. Если вам нужен артефакт с функцией маскировки недостатков — я могу такой сделать. Но это отдельный заказ. По предоплате. В порядке общей очереди.

Графиня побагровела.

— Вы Да как вы

— Я предлагаю деловое сотрудничество, — Элино́р развела руками, и левая рука, к счастью, опустилась вниз. — Ваше зеркало исправно. Если вы недовольны — обратитесь в гильдию для независимой экспертизы. А теперь прошу меня извинить, у меня клиент.

За дверью действительно слышались шаги. Графиня не стала ждать, кто войдёт, сунула зеркало в сумку и вылетела вон.

«Подумаешь, старую кочергу обидела, — тут же влез голос. — Она ещё ни одного приличного заказа не сделала. Только и умеет, что в театрах сидеть да прислугу гонять. Жадная как...»

— Графиня Вэллс — солидная клиентка, — возразила Элино́р.

«Солидная? — фыркнул голос. — Это когда платит. А когда пытается объегорить — наглая старая кочерга. Запомни это раз и навсегда».

— Каррр! У тебя талант портить отношения с клиентами, — прокомментировал ворон с подоконника.

— Бенджамин, это не я, — вздохнула Элино́р.

— Каррр! А с виду не скажешь.

Следующим вошёл молодой человек в безупречном сюртуке, с идеальной причёской и улыбкой, которая, казалось, освещала всю мастерскую. От него пахло дорогим одеколоном и свежeweыглаженным шёлком. Элино́р невольно выпрямилась — такие клиенты обычно заказывали самое дорогое и капризное.

— Леди Рэйвенвуд? — голос мягкий, вкрадчивый, как масло по утреннему тосту. — Меня зовут лорд Эдмунд Уэллсли. Наслышан о вашем таланте.

Элино́р удивлённо приподняла бровь. Аристократы редко заглядывали к ней сами — обычно присылали слуг.

— Чем могу помочь, лорд Уэллсли?

— Моя бабушка, — он печально вздохнул и даже прижал руку к груди, — последние годы страдает от жестоких головных болей. Лекари разводят руками. Я хотел бы заказать для неё кулон, который облегчал бы страдания. Что-нибудь стандартное, из вашей линейки.

— Кулон от головной боли? — уточнила Элино́р, открывая блокнот. — Такие у меня есть. Я могу сделать его почти

незаметным, чтобы она носила его постоянно.

— Прекрасно, — лорд Уэллсли просиял. — Но, если позволите, одно небольшое дополнение. Моя бабушка живёт одна, в поместье. Слуги за ней присматривают, но я так волнуюсь... — он сделал паузу, опустил глаза, изображая раскаяние. — Не могли бы вы добавить в кулон функцию, которая позволила бы мне узнавать о её самочувствии? Ну, например, если боль усиливается — какая-нибудь сигнальная метка. Или если бабушка позовёт на помощь, — он вздохнул, — а может, застонет или пожалуется на самочувствие. Чтобы я сразу знал и мог послать лекаря. Ведь эти слуги бывают так невнимательны. Можно ли им доверить судьбу моей любимой бабушки?

Элинор задумалась. Это было необычно, но не противозаконно. Она ещё не сталкивалась с тем, чтобы семьи заказывали артефакты для столь скрупулёзного наблюдения за больными родственниками — даже если те жили далеко.

— Технически это возможно, — сказала она осторожно. — Но потребуется ещё и артефакт, принимающий эти сигналы.

— Конечно, конечно, — поспешно кивнул лорд. — Я всё понимаю. Пусть будет два артефакта. Я только за. Только второй артефакт тоже бы сделать не очень заметным, чтобы я мог его носить постоянно. Возможно, в виде мужской серьги.

Он ободряюще улыбнулся и положил на стол тяжёлый кожаный кошель.

— Я готов оплатить работу сразу. И небольшой бонус — за ваше внимание к моей просьбе.

Элино́р потяну́лась к кошельку, но левая рука вдруг дёрну́лась и отбро́сила его в сторону. Кошель упал на пол с глухим стуком.

— Ой, — сказала Элино́р. — Простите, рука дрогнула.

Лорд Уэллсли наклонился поднять кошель, и в этот момент левая рука Элино́р сложила пальцы в замысловатую фигуру — указательный и средний торчали вперёд, изображая рожки. Элино́р поспешно спрятала руку под стол.

В голове раздался едкий шёпот Аделины:

«Шпионская дрянь. Передатчик ему нужен, а не кулон. Откажись, пока не поздно».

Элино́р почувствовала, как холодеют пальцы.

— Лорд Уэллсли, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Я совсем забыла. Я не смогу взяться за этот заказ.

Лорд удивлённо поднял бровь.

— Но почему? Мы только что обсуждали

— Извините, — Элино́р поднялась. — У меня слишком много работы. Всего доброго.

Она указала на дверь. Левая рука показала туда же — на этот раз просто пальцем, без неприличных жестов.

Лорд Уэллсли помолчал. Его улыбка стала жёстче.

— Как скажете, леди Рэйвенвуд. — Он подобрал кошель и направился к выходу. На пороге обернулся: — Жаль, что вы не цените хороших заказчиков.

Он вышел, и дверь закрылась с тихим стуком. Бенджамин перелетел на край стола и уставился на закрытую дверь чёрным блестящим глазом.

Элинор выдохнула и уронила голову на руки.

— Почему ты так уверена, что он шпион? — прошептала она.

Голос Аделины в её голове ответил сухо:

«Дорогая, ни один заботливый внук не станет требовать передатчик в кулоне от головной боли. Для этого есть зеркала для связи. А ему нужен именно артефакт, который незаметно передаёт звук. Он слишком сладко улыбался и слишком быстро соглашался на всё. Я таких за сто лет научилась распознавать».

— Каррр! — подал голос Бенджамин. — Ты прогнала двух клиентов подряд. Решила окончательно разорить собственную мастерскую?

— Один из них был шпионом, а вторая — любительницей поживиться за чужой счёт, — устало сказала Элинор.

— Каррр! У тебя вообще бывают нормальные заказчики?

— Бенджамин, ты невыносим, — вздохнула Элинор.

— Каррр! Я реалист.

Элинор посмотрела на левую руку, которая рисовала пальцем на столе замысловатые линии. Она наклонилась ближе.

Это была карта. Какого-то особняка. Со стрелочками, подписями и чем-то отмеченным крестиком.

— Что это? — спросила она вслух.

Голос в голове ответил — сухо, с холодной усмешкой:

«Поместье Морвенны. Тайник в библиотеке, за третьей полкой. Пригодится».

— Откуда ты знаешь?

«Дорогая, я бывала в этом доме, когда мы с Морвенной ещё называли друг друга подругами. Она так мило улыбалась мне в глаза... и тем временем коптила свою иглу чёрным пламенем. Ту самую, что подчиняет волю».

— Иглу? — переспросила Элино́р. — Коптила?

«Читай мой дневник, правнучка. Там всё написано. И поторопись — времени у нас не так много, как хотелось бы».

Рука довольно похлопала Элино́р по плечу.

Ночью, когда в доме стихли все звуки, а магические светильники погасли, экономя заряд, Элино́р сидела в мастерской при свечах. Она разглядывала браслет на запястье, который мягко светился в темноте.

— Ну, давай, — сказала она. — Расскажи мне всё, что я должна знать.

И браслет вдруг ожил, засветившись ярче обычного.

Из него вытекла полупрозрачная дымка, поднялась в воздух и приняла форму пожилой женщины. Высокая, статная, с седыми волосами, уложенными в сложную причёску, и острым, насмешливым взглядом. Одета в старомодное платье с кринолином — точно с портрета, который висел в гостиной.

Аделина Рэйвенвуд.

Прабабка.

— Ну наконец-то я смогла выбраться, — сказала она голосом, который Элинор уже слышала краем сознания. — Я уж думала, придётся всё время сидеть в браслете и общаться исключительно жестами, но твоя магия очень сильна. Думаю, все десять искр.

— Ты кто? — выдохнула Элинор, хотя уже прекрасно догадалась.

— Аделина Рэйвенвуд. Твоя прабабка. И, как видишь, я теперь с тобой. Буквально.

— Зачем ты сделала это с моей рукой?

— Я вселилась в браслет много лет назад, чтобы направлять потомков. А ты надела браслет сама — хотя тебя предупреждали. Так что не жалуйся.

— Направлять? — голос Элинор сорвался. — Ты прогоняешь моих клиентов!

— Мошенников, — поправила Аделина. — Наш род вырождается, дорогая. Артефакторы Рэйвенвуд сидят по мастерским либо колесят по стране и даже не пытаются занять достойное место при дворе. А я была близка к трону! — она драматично вздохнула. — И теперь вернулась, чтобы исправить эту несправедливость.

Элинор обрела дар речи:

— Какую несправедливость?

— Ты выйдешь замуж за принца. Вернёшь честь рода. И мы отомстим той стерве Морвенне, которая отняла у меня

короля.

— Я не собираюсь замуж!

— Собираешься, — парировала Аделина. — И я тебе помогу. Не волнуйся, больно не будет.

Призрачная рука прабабки погладила Элинор по голове.

Утешительно. И очень жутко.

Аделина довольно улыбнулась:

— А теперь спать. Завтра у нас много дел. Кстати, дневник мой читай внимательно. В нём есть всё, что тебе нужно знать о Морвенне и о том, как добиться своего при дворе.

— Как так получилось, что я смогла открыть сундук? И почему я не могу снять браслет?

Аделина усмехнулась, и в её глазах промелькнуло нечто вроде гордости.

— Потому что ты первая незамужняя носительница крови Рэйвенвуд с сильным магическим даром. Твоя искра ещё не замеряна — это делают в день совершеннолетия, — но она точно будет выше восьми, этот параметр я закладывала в магический замок. Всё, что выше восьми, приравнивается к силе архимага.

— И что с того? — не поняла Элинор.

— А то, дорогая, — Аделина наклонилась ближе, и её прозрачное лицо стало почти торжественным, — что драконы могут иметь детей либо от дракониц, либо от человеческих женщин с сильным даром. Слабый дар не позволит выносить магически сильного ребёнка-дракона. Я зачаровала

сундук так, чтобы его могла открыть только носительница нашей крови с силой архимага. Потому что я планирую выдать тебя замуж за принца-дракона.

Элино́р потеряла дар речи.

— Ты ты хочешь, чтобы я родила наследника дракону?!

— Я хочу, чтобы ты заняла достойное место при дворе, — поправила Аделина. — А брак с принцем — лучший способ. И да, наследники — приятное дополнение. Но не паникуй раньше времени: сначала нужно, чтобы принц на тебя вообще посмотрел. Для этого мы поедem на бал.

Она исчезла, оставив Элино́р в полном шоке.

Элино́р осталась одна. Опустила руки на колени. Браслет тускло мерцал.

— Зачем тебе это? — прошептала она.

В голове раздался уже знакомый голос, мягче, чем прежде:

— Потому что я люблю тебя, глупая. И хочу, чтобы ты была счастлива.

Элино́р закрыла глаза.

«Ну и влипла я».

Свеча догорела. В наступившей темноте только браслет светился — ровным, спокойным светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.